

Станислав ЛЕМ: Кошмары футуролога

Продолжение. Начало – в №28(1206), №30(1208).

«ШАНС» продолжает публикацию небольших статей великого польского фантаста и философа. О технологическом вмешательстве в тело человека, о пользе и вреде такого вмешательства, о стремительной реализации самых смелых прогнозов и о том, как замечательные открытия служат низменным устремлениям.

ТЕХНОЛОГИЯ И ТЕЛО

Мы последние реликты природы в разоренном нами, технологически переделанном мире. Но мы тоже бессильны против технологического рикошета – приведенная нами в движение машина возвращается к нам и начинается ее вторжение, к примеру, в наши тела. Это, скорее, благое дело, если благодаря технике можно прочистить закупоренную артерию и восстановить приток крови в коронарной системе. Но где границы этого вмешательства?

Я считаю, что не было бы несчастьем, если бы генетическая инженерия позволила бы человеку, к примеру, иметь не одно, а два сердца, – как две почки. Я не считаю также, что следует осуждать генетическую инженерию в целом, так как нельзя сказать, что любой прогресс – это плохо, тем более что прогресс в медицине по сравнению с другими областями – это замечательно. Впрочем, ситуация складывается парадоксальная. Польша – весьма отсталая страна, и это имеет колоссальные минусы, но иногда это оказывается большим плюсом. Отсталость – это не только беда, иногда она помогает избежать каких-либо страшных бед: например, в Польше не применялось массовое переливание крови перед операциями так, как в Америке, Франции или Германии, где затем вдруг оказалось, что очень часто эта кровь была заражена вирусом иммунодефицита человека.

Медицинский прогресс даже в своих самых замечательных достижениях приносит иногда непредвиденные результаты, о которых редко говорят. Всеми способами борясь с болезнетворными микробами, мы очень высоко подняли им планку выживания. Никто не ожидал, что они приобретут иммунитет и антибиотикостанут все менее действенными. В некоторых особенно продвинутых в медицинском отношении странах вирусы стали совершенно невосприимчивы к антибиотикам, и такие штаммы были выведены нами, хоть мы и не желали этого.

Весьма беспокоит меня вмешательство в область человеческого мозга еще и потому, что результаты этого очень трудно предвидеть. Известно, например, что если перебить большую белую спайку, соединяющую оба полушария человеческого мозга, то окажется, что в нашем черепе находятся одновременно два не вполне сформировавшихся «я» – как бы две личности. Появились даже группы химических соединений, которые могут вызвать изменение личности. Это во-первых.

Во-вторых, я прочитал в немецком журнале «Шпигель», что в Америке живет около восьмидесяти тысяч людей, которые страдают от очень глубокого расщепления личности, причем эти различные личности проявляют себя попеременно. Случаются удивительные истории: например, кого-то ужалила пчела, у него распух глаз, он идет к свое-

му психоаналитику, а затем к окулисту. Окулист недоумевает: зачем вы ко мне пришли, у вас все в порядке с глазами. То есть к этому времени в человеке проявилась другая личность, и под воздействием сознания на тело, на материю, опухоль исчезла. А затем снова возвращается «ужаленная» личность, и глаз снова опухает. Вера может проявлять в границах человеческого тела чрезвычайные и необыкновенные эффекты.

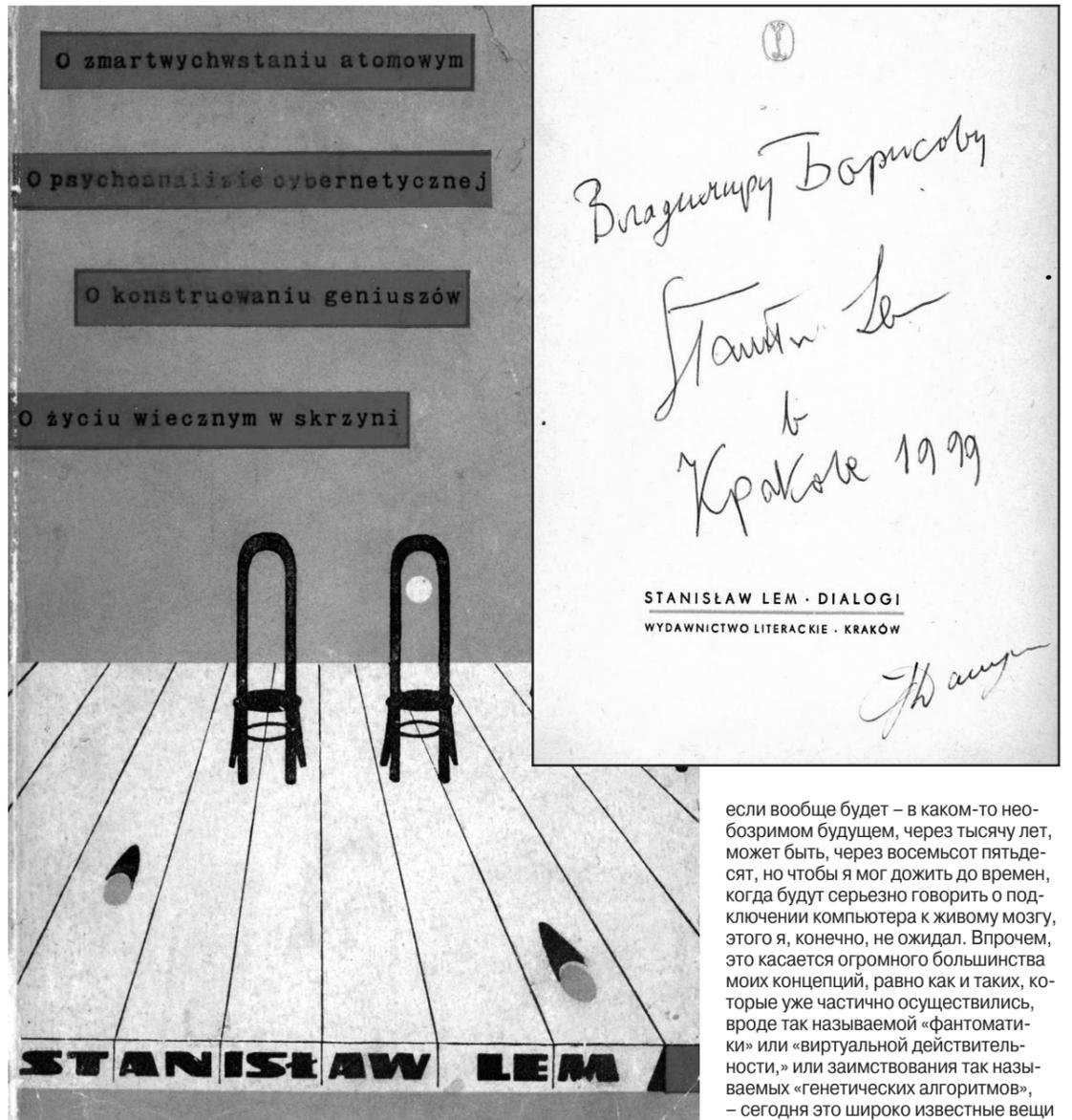
Мы можем вызывать в памяти как наяву картины из далекого прошлого, из детства, а во сне могут появляться люди, события, обстоятельства, образы домов или жилищ почти с фотографической точностью. Эта информация где-то закодирована у нас в мозгу, только мы не всегда можем добраться до ней сознательно. Известно также, что во время операции, когда после трепанации черепа открывают мозг, можно, раздражая отдельные участки коры, создавать у оперируемого впечатление, что он слышит оперную арию, что сидит в театре и т.д. Хорошо это или плохо, если бы с помощью каких-либо устройств, раздражающих мозг какими-либо излучениями, можно было бы произвольно вызывать такие образы? Это возможно, но желательно ли, – не думаю.

Можно сказать, что следовало бы законодательно запретить такие исследования, но трудность заключается в том, что разграничить хирургическое, медицинское, лечебное и разбойничье, вредительское или даже преступное вмешательство очень трудно. Наука вторгается в наше тело в соответствии с «тактикой салям»: ломтик за ломтиком – невозможно удостовериться, в какой момент это вторжение перестает быть нейтральным, и где лежит граница, после пересечения которой нам надлежит защищать нашу цельность.

ДВА БОТИНКА И ЛЕСТНИЦА

Магнат в области моды, всем известная Энне Бурда, стала теперь, не знаю почему, меценатом науки. Организует семинары, конференции и т.д. Пригласили и меня на такую конференцию, на которую я, впрочем, не поеду, хотя и заинтересовала меня, и даже поразила ее основная тема: можно ли – хотя бы теоретически – подключить к человеческому мозгу так называемые «компьютерные чипы» и что из этого может приключиться. На этом симпозиуме будут, вероятнее всего, весьма благообразные и ученые особы, и я уверен, что никто из них не взберется на трибуну, чтобы проклинать организаторов, разрывая одежду, и все будут стараться по-научному, мудро, объективно говорить о том, что им известно.

Прежде всего я задумался, почему обратились именно ко мне, разве что из-за того, что я был автором научной фантастики. Но ведь я не пишу беллетристики уже с 1988 года. Потом я припомнил, что именно в «Диалогах», книге, которую напи-

сал в 1953 году, а издал в 1956, и на которую никто не написал ни одной рецензии – на обложке были нарисованы два ботинка и одна лестница, потому что никто не знал, что с этим делать* – я вспоминал о возможности вмешательства в мозговые процессы. Это было у меня как бы «по случаю», так как прежде всего я хотел в книге обозначить границы того, что можно вообразить. Тогда рецензенты были бессильны, но позже, то есть в 1993 году, один молодой немецкий философ из университета в Эссене издал книгу о еретиках науки и так называемых Querdenker, то есть таких, которые «мыслят поперечно», – или, говоря по-польски, гениях. Он был так любезен, что причислил и меня к одной из этих категорий, упоминая о моих концепциях, мол, они теперь менее безумны, чем казались когда-то...

А тогда они были до такой степени безумные, что совершенно непонятные. Если бы кто-то в Париже Людовика XIV прибыл в Сорбонну и начал там говорить, например, о квантовой механике, то никто бы его не понял, даже если бы он излагал мысли на очень добротном французском языке. Если бы он начал говорить о принципах функционирования поршневых двигателей, его тоже никто бы не понял, а если бы он говорил о бактериях, то наверняка решили бы, что он говорит о злых духах или еще хуже, и дело могло бы кончиться костром или чем-нибудь подоб-

ным. Потому что когда кто-то говорит о том, чего вообще не существует, о том, что, по мнению говорящего, может появиться когда-то там, в каком-то неслышанно отдаленном будущем, то все ощущают полное бессилие.

Такое бессилие случается и со мной, когда я сталкиваюсь с некоторыми специальными сферами современной гуманистической мысли. Например, я не понимаю того, что говорят очень продвинутые деконструкционисты, последователи модного Дерриды**. Я старался, но ничего не понял. Впрочем, недавно я прочитал статью Войцеха Скальмовского «Деконструкционизм как новоречье», опубликованную в журнале «Другие Тексты», и установил, что Скальмовский придерживается моего мнения, хотя благодаря своему чрезвычайному здоровью и чрезвычайной пищевой рителительной способности своего разума он все-таки прочитал деконструкционистов, а мне это не удалось.

Я не верю, чтобы благодаря такому Дерриде в будущем можно будет построить, к примеру, воздушный шар для полетов на Луну или что-то еще полезное, но уверен, что другие, инструментально воспринятые современные мысли или представления могут когда-нибудь превратиться во что-то поразительное. Поэтому я с некоторым беспокойством воспринял упомянутое в начале статьи приглашение. Когда я писал «Диалоги», мне был тридцать один год и я предполагал, что то, о чем пишу, будет возможно –

если вообще будет – в каком-то необозримом будущем, через тысячу лет, может быть, через восемьсот пятьдесят, но чтобы я мог дожить до времен, когда будут серьезно говорить о подключении компьютера к живому мозгу, этого я, конечно, не ожидал. Впрочем, это касается огромного большинства моих концепций, равно как и таких, которые уже частично осуществились, вроде так называемой «фантоматики» или «виртуальной действительности», или заимствования так называемых «генетических алгоритмов», – сегодня это широко известные вещи и ни у кого не вызывают возмущения.

Тем, чего я не предвидел, оказалось гнусное использование этих прекрасных возможностей. Виртуальная действительность служит для исполнения каких-то сексуальных желаний. Уже существует секс с компьютером... Оказывается, когда-то у меня было излишне оптимистическое видение человека, и я не предполагал, что всем будет править абсолютная коммерциализация. А тем временем невидимая, а точнее, видимая – к сожалению – рука рынка ведет именно к тому, что прекрасные изобретения или открытия скатываются к бульварному уровню.

Перевел с польского
В. БОРИСОВ

* Действительно, что мог придумать художник, читая такой подзаголовок книги: «Об атомном воскрешении, о теории невозможности, о философских концепциях людоедства, о грусти в пробирке, о кибернетическом психоанализе, об электрическом метампсихозе, об обратной связи эволюции, о кибернетической эсхатологии, об индивидуальности электрической сети, о коврове электромозгов, о вечной жизни в ящике, о конструировании гениев, об эпилепсии капитализма, а машинах для правления, о проектировании общественных систем?» – прим. перев.

** Жак Деррида – французский философ и теоретик литературы, основатель деконструктивизма. Продолжение следует.